

Б.Е. Фролов

«Постройка» мундиров образца 1816 г. в Черноморском казачьем войске: планы и реалии

В одной из своих предыдущих работ автор рассмотрел ряд вопросов, связанных с историей разработки первых образцов форменной одежды черноморских казаков, в том числе и мундира, высочайше утвержденного 11 февраля 1816 г. [1].

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы показать процесс «постройки» этого мундира в войске, его итоги и положение дел с форменной одеждой в казачьих полках.

Напомним, что образцовые мундиры были изготовлены в петербурге, затем отправлены в Кременчугское депо, откуда их в конце октября 1816 г. доставили в Екатеринодар [2]. Однако об утверждении мундиров в войске узнали еще в апреле, а 7 июня состоялось заседание Войсковой Канцелярии, где слушалось предложение херсонского военного губернатора графа Ланжерона «употребить старание ввести обмундирование в полках и артиллерийских полуротах по сим вновь утвержденным образцам без излишнего отягощения казаков» [3].

После доставки высочайше утвержденных образцов Войсковая канцелярия 30 ноября приказала от каждого полка прислать «исправнейшего портного» для пошива образцового мундира в полк. К указу прилагалась «опись вещам потребным для пошитья образцовых мундиров», все это должны были привезти с собой полковые портные [4]. Войсковое начальство слишком радужно оценивало обстановку, когда на запрос великого князя Михаила Павловича пообещало закончить обмундирование казаков в течение 1817 г. Жизнь внесла в эти планы суровые коррективы.

Мундир оказался для большинства казаков непозволительной роскошью. По подсчетам полковых командиров (а именно на них была возложена задача по обмундированию казаков). На форменную одежду и амуничные вещи требовалось около ста рублей на человека. Таких денег не было ни у казаков, ни в полках. Изготовление мундиров шло катастрофически медленно. Приведем некоторые данные по этому поводу [5].

14 мая 1817 г. командир 8-го конного полка Белошапка докладывал,

что новой формы не имеет еще никто; к концу мая по образцу были одеты только три офицера. В июне в полку войскового полковника Белого обмундировано 5 казаков, в полку Борзикова – 11. Общее мнение командиров хорошо отражено в рапорте командира 7-го конного полка войскового старшины гавриша. Он заявил, что казаки распущены с пограничного караула домой и, хотя часть из них сможет купить сукно и образцовые вещи на троицкой ярмарке, закончить обмундирование ранее октября месяца никак не удастся. Войсковая Канцелярия посчитала все это отговоркой и приказала все завершить к 9 августа 1817 г.

проследим ход обмундирования после этого грозного приказа на примере 1-го конного полка. В июле 1817 г. из 526 казаков одето 14, в октябре – 35, в ноябре – 70 и в декабре – 90. Причем так называемые обмундированные казаки имели из образцовых вещей только куртку и шаровары, «а как должно быть в полку нет никого». 13 сентября командир 10-го конного полка донес Войсковой Канцелярии о безрезультатности его неоднократных предписаний начальникам сотен завершить обмундирование по образцу. «По справке оказалось: часть чинов в состоянии построить мундиры, но веществ таковых к покупке в городе екатеринодаре нету, а другая часть к постройке мундиров несостоятельна».

Видя полный провал своих требований, войсковой атаман Г.К. Матвеев в начале октября приказал завершить обмундирование к январю 1818 г. [6]. В ответ целый ряд командиров полков заявили, что они не видят никакого другого средства, как сделать подряды за счет войска в москве и туле, а потом уже постепенно взыскивать с казаков деньги.

Другие командиры начали всеми правдами и неправдами «выбивать» с казаков деньги. Один из командиров приказал «приостановить обмундировку» в сотнях и учредил в екатеринодаре полковую швальню. Всем казакам было предписано собраться к 25 мая 1818 г. в городе, имея на руках следующие деньги: конные – по 96 руб., пешие – по 55 руб. В его действиях был свой резон и он был прав, говоря, что «казаки сами собою обмундироваться не могут, поелику разными неумеющими мастерами мундиры и шаровары по настоящему образцу сшиты не будут» [7].

Иного мнения придерживался атаман Г.К. Матвеев. 15 ноября 1817 г. он строжайше запретил собирать с казаков деньги и приказал «предоставить самим казакам на волю их обмундирование...». Сразу же оказалось, что казаков вовсе никто и не «понуждал» сдавать деньги, а делали они это сами, добровольно. Командир полка герк 24 ноября рапортовал матвееву о желании казаков, «имеющих деньги», сложиться

по 55 руб. и послать в черкасск за сукном. Всего было собрано «близ двух тысяч рублей» (т.е. деньги сдали всего около 40 человек).

Войсковой полковник Стороженко донес о том, что послал людей в Малороссию для закупки всего необходимого на свои собственные деньги. По этому же пути пошел и полковник Порохня. Он купил у тульского оружейника лентяева «мундирные приборы», за которые 100 казаков согласились внести по 40 руб. «Сукно на мундиры казаки покупают сами, - докладывал Порохня, - а шьют полковые портные под наблюдением сотенных командиров». И в конце рапорта он резюмировал: «Казаки без особого моего попечения не могут сами долгое время обмундироваться» [8].

30 ноября 1817 г. состоялось заседание черноморской Войсковой канцелярии, на котором обсуждался вопрос о подряде форменных вещей с тульских заводов за счет войска. Суть указа канцелярии свелась к следующему:

- обмундирование нижних чинов и офицеров возложено на полковых командиров, а потому канцелярия не может принять на себя эти обязанности, а предоставляет право делать подряды командирам;
- канцелярия согласна давать ссуды командирам полков под проценты;
- Земским начальствам, полицейским экспедициям, смотрителям приморских кос, сельским полициям «сильнейше понуждать казаков к построению высочайше утвержденных образцов»;
- хозяевам, у которых казаки находятся на заработках, выдавать деньги только на «самонужнейшие надобности», да и то не более 25 рублей, а в особых свидетельствах отмечать сумму заработка;
- смотрителям приморских кос (на рыбных заводах находилось значительное число казаков – Б.Ф.) не позволять казакам «упражняться в пьянстве и картежных играх, в противном случае отбирать деньги и отсылать полковым командирам»;
- продавцам питья отпускать не более как на 5 руб. [9].

Что и говорить, меры приняты экстраординарные. Но к этому времени, помимо отсутствия необходимых материалов и денег, явно обозначилась еще одна проблема. Портных в полках было

очень мало, а хороших и того меньше (выше приводились слова полкового командира об их неумении пошить мундиры как положено). Портные со стороны брали за работу непомерную цену (10-12 руб.), а шили так же далеко «не противу образца, как должно быть казаку в параде». От командиров полков поступило предложение собрать хороших портных вместе и определить не более 7 руб. за шитье мундира и кивера.

Итоги двухлетней борьбы по постройке форменной одежде оказались явно неутешительными. Так называемые «полные мундиры» имелись буквально у нескольких человек, незначительное число казаков обзавелись куртками и шароварами, положенных к мундиру амунических вещей не было почти совсем. По ведомости 1-го конного полка за 27 декабря 1817 г. из 547 человек полные мундиры имели только три обер-офицера (из 14), 90 казаков и три урядника обзавелись куртками, киверами и шароварами [10].

В конце 1817 г. тактика войскового руководства в отношении обмундирования казаков изменилась. Связано это было с сообщением графа Ланжерона о приезде императора в черноморию и требованием немедленно одеть людей по образцу. В связи с этим атаман Г.К. Матвеев приказывает «употребить всевозможные средства. Чтобы все чины были одеты и имели амуницию по образцу». В тоже время, прекрасно понимая бесполезность всех своих грозных предписаний, он предлагает Войсковой Канцелярии купить сукно на войсковой счет и снабдить им «недостаточных казаков с возвратом сей суммы по возможности» (Там же. Л. 23). 2 января 1818 г. Войсковая Канцелярия командировала «в главные фабрики России» сотника Лавровского, выдав ему на покупку сукна и припасов 10 тысяч руб. [11].

Сотник был оперативен и уже 11 января в письме из Москвы к командиру 5 пешего полка сообщил о закупке для казаков полка 1500 аршин синего сукна. «Для Вас же купил синего аглицкого сукна 10 аршин такого сорта. Что в Москве лутшего отыскать нельзя» [12]. Отечественное сукно обошлось по 5 руб. 15 коп. за аршин, импортное – по 36 руб. На май 1818 г. в первой сотне этого полка (108 человек, из них 34 конных) имели «мундир собственный» 18 чел., полковое сукно на

мундир – 55 чел. (из них пошили мундир только два), смушок на кивер два человека, саблю с португеей – 27.

В делах полковых фондов, начиная с конца декабря 1817 г., встречаются приказы неимущим казакам отправиться в войсковую Канцелярию для получения образцовых вещей. В феврале 1818 г. появляются и списки выданных вещей: сукно разных цветов, холст, нитки, крючки, пуговицы, кивера, султаны, витишкеты, подсумки, сабли, ружья, пистолеты, голенища, пряжки и т.д. Таким образом, начиная с 1818 г., обмундирование черноморских казаков по высочайшим образцам производится четырьмя способами: за собственный счет, за деньги полковых командиров, из полковых сумм (командиры полков взяли в Канцелярии под процент по 5-7 тыс. руб.), путем войсковых закупок.

Войсковые подряды в какой-то мере смягчили проблемы экипировки, но отнюдь не решили их. 2 апреля 1818 г. Г.К. Матвеев констатировал: «Усматривая из многих донесений гг. полковых командиров, что в полках их и по сие время весьма мало обмундировано казаков как следует по войсковому положению, я принужден подтвердить ... о скорейшем обмундировании всех людей...» [13]. В инструкции полковым командирам, датированной 31 октября 1818 г. он записал: «В рассуждении того, чтобы люди по смене со службы старались иметь у себя положенный мундир. Амуницию, лошади и прочее, что к званию казака принадлежит ... остается на неусыпном попечении гг. полковых командиров [14].

Прошло еще два года и атаман с горечью и, наверное, с усталостью и обреченностью 18 марта 1820 г. отправил в полки очередной приказ:

«... Мундир утверждён ещё в 1816 г. и с того времени обмундирование совершенно неоконченно, ..., хотя я неоднократно понуждал ... Вынужден подтвердить о непременно окончании» [15]. Действительно, в рапорте 9-го пешего полка за февраль 1820 г. числилось обмундированных 49 человек, еще 277 казаков имели только куртки, шаровары и фуражки, построенные из войскового сукна [16].

По-прежнему продолжалось изготовление мундиров с отступлениями от образца. 10 сентября 1821 года атаман Г.К. Матвеев отметил, что «многие из штаб и обер-офицеров и нижних чинов мундир носят совсем напротив образца и вовсе неприличествующе казачьему званию, так же на многих сюртуки, на которые надевают эполеты и шарфы» [17]. В том же году и Войсковая канцелярия предписала «прибавок и убавок к украшению мундира не делать» [18]. Подобных приказов немало было и в последующие годы, но самое любопытное

заключается в том, что формально, по обязанности борясь с отступлениями от образца, войсковое начальство само и неоднократно допускало их. В 1826 г. у большинства из выбранных в лейб-гвардию казаков не оказалось ни мундиров, ни амунических вещей. Тогда из войскового третьесортного сукна им пошили мундиры, но без задних рукавов! [19]. В целях экономии «отбросили» самую колоритную деталь в форме черноморского казака. И это сделано в отношении казаков, едущих на службу в столицу, что же говорить о далекой провинции.

Документы второй половины 20-х и 30-х годов XIX в. рисуют столь же безрадостную картину как в плане наличия мундиров, так и в плане строгого следования образцу. Процитируем лишь два из многих десятков. 19 мая 1830 г. войсковой атаман отдал командирам конных полков приказ о выборе с полка по 20 лучших казаков (для сопровождения проезжающих знатных особ) «хотя не в полной форме, но могущих вскорости исправить оную» [20]. В октябре того же года, по случаю приезда генерал-фельдмаршала паскевича-Эриванского, от 11-го конного полка требуют 50 казаков «в полных мундирах», а если невозможно, то в партикулярных куртках прилично одетыми» [21]. То есть атаман прекрасно знает, что в целом полку может не найтись и 20 казаков обмундированных по образцу.

Первые историки Черномории Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко утверждали, что атаман Ф.Я. бурсак в 1814 г. ходатайствовал о разработке мундира для казаков с целью одеть их в единообразную форму, придав тем самым вид людей военных [22]. Реализовать этот замысел полностью не удалось. Образцовый мундир оказался не по карману не только казакам, но и многим офицерам. В иные годы до пятидесяти и даже более процентов людей вообще не имели никаких мундирных вещей, остальные употребляли в основном неполные мундиры. Не удалось достичь и единообразия в форменной одежде.

Вместо резюме приведем слова «дида кубанской истории» Ф.А. Щербины: «Казак был в худом мундире или совсем без мундира, но иначе не могло быть, так-как у него, всецело занятого службой, не было средств не только для подновления мундира, но и для поддержания голодающей семьи» [23].

Примечания

1. Фролов Б.Е. Первые образцы форменной одежды черноморских казаков// Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1996.
2. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 303. Л. 22-25.
3. Там же. Ф. 290. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

4. Там же. Л. 34.
5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 303. Л. 45-153.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 721. Л. 2.
7. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 17. Л. 44.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 721. Л. 10.
9. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 17. Л. 44.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 721. Л. 27.
11. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 731а. Л. 13.
12. ГАКК. Ф. 287. Оп. 1. Д. 25. Л. 52.
13. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 368. Л. 18.
14. ГАКК. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.
15. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 368. Л. 223.
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 761. Л. 66.
17. ГАКК. Ф. 286. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
18. ГАКК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 86. Л. 2.
19. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 513. Л. 83.
20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1105. Л. 16.
21. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 116. Л. 20.
22. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском. Т. 18. № 5 (май). Киев, 1887. С. 147.
23. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар. 1913.